

Н.В. СМОРОДИНСКАЯ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

Д.Д. КАТУКОВ

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ПРЕДЕЛЫ АДАПТАЦИИ¹

В статье анализируется специфика санкционного режима в отношении России, его системные эффекты и макроэкономические последствия. Рассмотрено дестабилизирующее влияние на экономику санкционных шоков и меры сопротивления им по трем направлениям: политика контрсанкций, политика обхода санкций и политика их компенсации. Изложены три сценария политики адаптации к санкционному стрессу: «больше рынка», мобилизационный сценарий и «госкапитализм с опорой на самодостаточность». Показаны объективные ограничения адаптационного маневра и сделан вывод, что ни одно из направлений адаптационной политики не позволяет быстро восстановить экономику до предсанкционных размеров.

Ключевые слова: экономические санкции, адаптационная политика, российская экономика, упущенный экономический рост, регрессивная индустриализация.

JEL: F1, F13, F5, F51.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67.

Экономические санкции вошли в современную историю межгосударственных отношений после Первой мировой войны, когда президент США Вудро Вильсон предложил обсудить способ прекращения военных конфликтов мирными средствами, дополняющими дипломатические [15]. Однако заметным глобальным феноменом и предметом самостоятельного научного анализа санкции стали лишь десятилетия спустя – в ходе значительного расширения целей их применения. С 1990-х гг. в мире существенно возросло количество ежегодно вводимых санкций и разнообразие их видов, появились индивидуальные

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации».

санкции против конкретных юридических или физических лиц, произошел переход от одностороннего наложения ограничений отдельной влиятельной страной (как США или Великобритания) к их преимущественно коллективному формату, когда инициаторами санкций выступают межгосударственные коалиции [20].

Теоретически идея санкций восходит к неоклассической концепции рационального агента, позднее дополненной достижениями поведенческой экономики [14]. Она предполагает, что нанесение стране экономических потерь должно побудить ее руководство отменить те или иные принятые решения. В современном определении экономические санкции – это официальное, на уровне правительств, прекращение или угроза прекращения торговых и финансовых операций со страной-адресатом (частично или полностью) в целях достижения позитивных изменений в ее политическом поведении [13]. В отличие от торговых войн санкции являются инструментом экономического давления, преследующим политические цели и коллективный интерес.

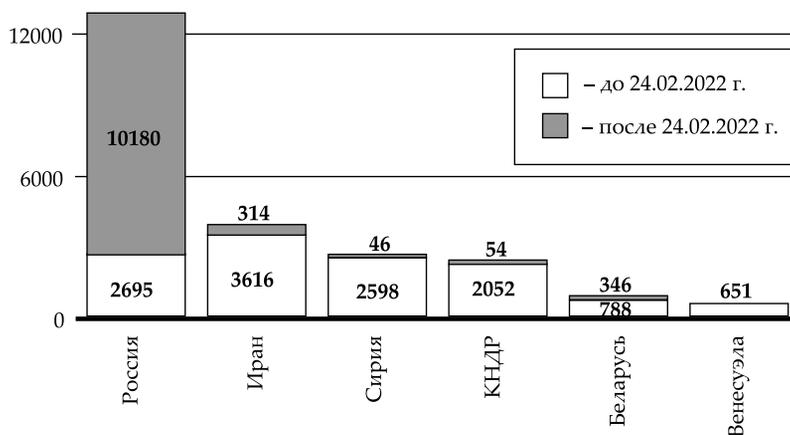
В мировой науке отсутствует консенсус в отношении эффективности применения санкций. У экономистов пока не сложилось единых методологических подходов, позволяющих надежно связать особенности санкционных режимов с их макроэкономическими последствиями, рассчитать обратное волновое воздействие санкций на экономику стран-инициаторов и на глобальную экономику в целом [12]. Сложность проблемы порождает острую потребность в междисциплинарной теории экономических санкций, способной примирить их сторонников и скептиков, объединяя как разные течения внутри самой экономической мысли, так и эту мысль с достижениями других наук (политологии, социологии, экономгеографии, юриспруденции) [20].

Весной 2022 г., когда Россия оказалась под мощными коллективными санкциями, введенными коалицией 43-х стран, в литературе появилось понятие «санкционномика» (sanctionomics) [17], отражающее возможность становления нового самостоятельного направления теоретико-прикладных исследований. В качестве вклада в эту сферу знаний мы попытаемся на примере России рассмотреть системный характер воздействия санкций на страну-адресат и ее возможности сопротивления этому воздействию.

Специфика санкционного режима в отношении России

Действующий в отношении России санкционный режим беспрецедентен. Впервые за последние полвека экстраординарные по масштабам ограничения введены против крупной экономики мира (с ВВП в 1,7 трлн долл. в 2021 г.), широко встроеной в глобальные сети связей и выступающей важнейшим поставщиком энергоресурсов на мировые

рынки². На Россию наложено в совокупности почти 13 тыс. секторальных и индивидуальных ограничений, что в 3,3 раза превосходит самый крупный санкционный пакет, наложенный ранее на Иран (см. рис.).

Источник: составлено авторами по: данные Castellum.AI. Russia sanctions dashboard. <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>.

Рис. Совокупное число ограничений в основных подсанкционных странах мира (по данным на ноябрь 2022 г.)

Россия сильно отличается от большинства других крупных экономик. Во-первых, российская экономика имеет упрощенную структуру, опирающуюся на два промышленных сегмента – добывающий сектор, работающий в основном на экспорт, и сектор промышленной обработки, работающий преимущественно на внутренний рынок. Первый является источником формирования значительных международных резервов, мощной финансовой подушки (в виде средств ФНБ) и более половины доходной части бюджета (включая налоги связанных с ТЭК предприятий). Второй практически не имеет валютных доходов, но критически зависит от западных технологий, машин и оборудования (в этой ситуации находятся почти две трети предприятий) [4] и от импортных материалов и комплектующих³. Во-вторых, Россию отличает сильная зависимость динамики ВВП от колебаний и самих нефтяных цен, и мирового спроса на нефть. В случае подъема обоих параме-

² Прежние санкционные режимы применительно к странам-нефтеэкспортерам касались либо широких санкций против относительно небольших экономик (Иран, Венесуэла), либо, наоборот, точечных санкций в отношении больших (Россия в 2014–2015 гг.) [15].

³ Совокупная доля импорта в российских средне- и высокотехнологичных секторах (автопром, авиапром, фармацевтика, машиностроение и др.) составляет 26–35%, а дохода в производстве компьютеров и электроники – до 50–80% [18].

тров экономика сохраняет устойчивость при любых внешних шоках, а при падении даже одного из них она попадает в серьезный кризис. И, в-третьих, Россия является крупнейшим энергопоставщиком не только для Европы, но и для мира в целом. По расчетам, основанным на данных Международного энергетического агентства, в конце 2021 г. на долю России приходилось 25% мирового экспорта газа (и, в частности, 45% газовых закупок Европы) и 17,5% совокупного мирового экспорта нефти и нефтепродуктов, причем по последнему показателю Россия держала мировое лидерство, оставаясь второй после Саудовской Аравии по доле экспорта сырой нефти⁴.

Эти особенности, по-видимому, нашли отражение в логике санкционного режима. В отличие от санкций 2014 г., которые в основном закрывали России доступ на рынки капиталов (до середины 2016 г., когда этот доступ был восстановлен) и слабо затрагивали реальный сектор, нынешний режим охватывает все сферы экономики, причем секторальные санкции усилены мощным пакетом индивидуальных.

Секторальные санкции выстроены системно. Они содержат три вида ограничений – экспортные, импортные и валютно-финансовые, которые призваны подорвать военно-промышленный потенциал России одновременно с трех сторон: по линии зависимости бюджета и экономики от экспорта энергоресурсов, обрабатывающей промышленности – от импорта технологий и компонентов, а государства и бизнеса – от доступа к операциям в долларах и евро как средству платежей и расчетов.

Все три группы санкций взаимно усиливают друг друга, а их негативное воздействие на российскую экономику имеет свой тайминг, мультипликативный эффект и свои накопительные последствия. При этом изолирование России от глобальных рынков (торговых, финансовых, технологических) не сводится к действию лишь официально введенных запретов, а охватывает еще более широкую совокупность неформальных санкций как производную реакции рынков на санкционный режим и мотивы его введения. Речь идет о полном или частичном, но добровольном отказе бизнеса из разных стран, включая нейтральные, от дальнейших взаимодействий с Россией как в сфере ее внешних связей (торговый бойкот с вовлечением в него транспортных, логистических и страховых компаний), так и на ее внутреннем рынке (свертывание производства и инвестиций). Важнейшую роль в этих решениях играют репутационные риски, возможность подпадания под штрафы и вторичные санкции, а также вызванный санкциями рост неопределенности, удорожающий бизнес-затраты.

⁴ IEA. <https://www.iea.org/reports/russian-supplies-to-global-energy-markets>; IEA. <https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas>.

Санкционные шоки и их эффекты

Под воздействием санкционного давления в российской экономике возникли шоковые эффекты, имеющие долгосрочные и усиливающие друг друга негативные последствия как для факторов спроса, так и для факторов предложения.

Шок валютно-финансовых ограничений Россия сумела частично ослабить – за счет накопленной «подушки безопасности» и оперативных действий Банка России по удержанию макрофинансовой стабильности⁵. Шок экспортного эмбарго был также смягчен – за счет возросших нефтегазовых цен, растянутого во времени поэтапного введения странами ЕС нефтяного эмбарго (его полноценная реализация по сырой нефти была отложена на декабрь 2022 г., по нефтепродуктам – на февраль 2023 г.) и успешного перенаправления Россией своих нефтяных потоков на Восток, прежде всего в Китай и Индию, чьи дисконтные закупочные цены были с лихвой перекрыты для России общим подъемом нефтяных цен. Однако импортное эмбарго, под которое подпала половина номенклатурного списка ввозимых Россией товаров⁶, нанесло экономике мощный удар: за I кв. 2022 г. российский импорт сжался на рекордные 40%⁷.

По данным Института мировой экономики Петерсона, за три весенних месяца (с конца февраля) поставки в Россию резко сократили большинство из 54 стран, покрывавших в 2021 г. до 90% ее импортных потребностей. При этом 60% обвала в стоимостном объеме российского импорта пришлось на недружественные страны (в чем главную роль сыграли страны ЕС), а остальные 40% – на нейтральные страны и, прежде всего, на Китай. Китайский экспорт в Россию упал на рекордные 38%, включая поставки полупроводников, составлявшие в 2020 г. 57% стоимости этого экспорта [10].

Масштабность сжатия поставок из нейтральных стран объясняется фактором глобализации. Нынешний уровень взаимозависимости стран как партнеров по глобальным цепочкам [6] делает торговлю с подсанкционной Россией рискованной или невыгодной для компаний любой из этих стран. Так, в Китае половину экспорта обеспечивает промежуточная продукция западных фирм, входящих в различные

⁵ Введение Банком России запрета на вывоз из страны валюты и капиталов позволило сохранить доверие рынков к рублю даже при заморозке половины международных резервов, а резкий подъем ключевой ставки предотвратил раскручивание инфляционной спирали после взрывного мартовского взлета цен.

⁶ Кнобель А.Ю. Перспективы и значимость российского импорта в современных условиях. Ежегодная конференция АНЦЭА. Москва, 14 октября 2022 г.

⁷ Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. М.: Банк России, 2022.

цепочки создания стоимости [10], к тому же китайский экспорт в Россию на треть состоит из компонентов, запрещенных к ввозу в страну⁸ [6]. Это ставит под удар не только крупных китайских экспортеров в Россию, но также их зарубежных поставщиков и субпоставщиков, которые непосредственно не торгуют с Россией, но имеют в своих промежуточных поставках санкционную для России продукцию (товары или услуги). То же самое относится и к компаниям других стран: дело не только в рисках их подпадания под вторичные санкции, а в их технологической связке с западными партнерами по цепочкам, когда выпадение из цепочки даже одного небольшого санкционного компонента может остановить работу целых сборочных линий.

Сильный удар по экономике нанес одновременный исход из России более тысячи крупных иностранных компаний, банков и международных финансовых институтов, растянувшийся на несколько месяцев [19]. Наибольшая доля исхода закономерно пришлась на компании Европы и Северной Америки [11]. Но вместе с ними из России стали «тихо уходить» крупнейшие технологические фирмы и банки Китая, Индии и других стран, причем как частные, так и государственные⁹. Этот исход сразу обесценил три десятилетия усилий России по встраиванию в мировую экономику, привлечению иностранных капиталов и технологий. Поэтому его негативные последствия могут превысить по масштабу разрушительный эффект от прямых санкций¹⁰, порождая утрату доходов и инвестиций, крупных налогоплательщиков и рабочих мест (в международных компаниях и их российских подрядчиках трудились до 5 млн человек). [19]. При этом существенно важным является то, что Россия понесет невозполнимые потери в области технологического потенциала. Отъезд тысяч иностранных специалистов лишает многие отрасли тех технологических знаний, которые связаны с организацией современных производственных линий и бизнес-процессов (от сборки автомобилей и шельфовой добычи нефти до производства напитков). Причем эти потери не могут быть компенсированы, как в случае частичной замены западных комплектующих.

Добавим к этому рекордные масштабы утечки мозгов. С момента введения санкций страну покинули сотни тысяч соотечественников с уникальными профессиональными навыками. Страна столкнулась с беспрецедентным оттоком человеческого капитала, знаний

---

⁸ Кнобель А.Ю. Перспективы и значимость российского импорта в современных условиях. Ежегодная конференция АНЦЭА. Москва, 14 октября 2022 г.

⁹ Chinese tech giants quietly retreat from doing business with Russia. <https://www.wsj.com/articles/chinese-tech-giants-quietly-stop-doing-business-with-russia-11651845795>.

¹⁰ Банк России. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования «О чем говорят тренды». № 2. 2022.

и частных сбережений. Наиболее массовый отток произошел в среде IT-специалистов, что вызвало резкое сжатие сферы цифровых услуг, где Россия накопила за последнее десятилетие сравнительные преимущества и имела на 2020-е годы хорошие экспортные шансы [7].

Яркой иллюстрацией совокупного эффекта санкционных шоков стала мгновенная дестабилизация российской экономики, связанная с ее выпадением из глобальных цепочек поставок, особенно в связи с исчезновением важных статей инвестиционного и промежуточного импорта. Массовый разрыв внешних связей (производственных, технологических, логистических) вызвал каскадные сбои во внутренних российских цепочках, что прервало реализацию важных инвестиционных проектов, привело к остановке ряда ключевых промышленных предприятий, к простоям и потерям выпуска у клиентов этих предприятий в других секторах.

Адаптационный маневр: узкие возможности

Усилия российских властей по ослаблению последствий санкционного режима охватывают три направления взаимодействия с внешними партнерами: политику контрсанкций, политику обхода санкций и политику их компенсации.

Политика контрсанкций исходит из того, что ответное ужесточение Россией условий контрактов с контрагентами из недружественных стран может усилить их побочные потери от введения антироссийских санкций, позволяя тем самым начать двусторонний межправительственный торг о взаимном обнулении запретов [1]. Однако введенные Россией контрсанкции скорее повысили ее экономическую уязвимость, чем достигли задуманной цели «симметричного ответа» Европе. В частности, требование перейти на рубли при расчетах за энергоносители лишь ускорило совместные усилия стран ЕС по снижению зависимости от российских углеводородов. Европа уже нарастила поставки газа из США и Норвегии, а также застраховала себя от топливного кризиса, заполнив газовые хранилища с опережением графика¹¹.

Политика обхода санкций связана с выстраиванием Россией теневых схем экспорта энергоносителей и легализацией в марте 2022 г. параллельного импорта. Хотя параллельный импорт призван помочь российским производителям в пострадавших отраслях, он в состоянии покрыть, по оценкам, лишь около 5% их импортных потребностей в 2022 г. [2]. Этот механизм оказался полезным для малого и среднего бизнеса, работающего на потребительских рынках, но для крупных промышленных предприятий он имеет пока ограниченное значение,

¹¹ Council of the EU. <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/gas-storage-capacity>.

выступая ненадежным каналом поставок, малопригодным для закупки крупных партий комплектующих или сложного дорогостоящего оборудования (например, обеспечить IT-рынок серьезным «железом» с помощью параллельного импорта практически нереально).

Следует также учитывать, что попытки России обойти импортное и нефтяное эмбарго с помощью третьих стран, выступающих в роли посредников, или отдельных компаний, выступающих в роли подставных фирм, имеют в цифровую эпоху гораздо меньше перспектив, чем 30–40 лет назад, когда, например, Иран выстраивал серые схемы с той же целью. Сегодня санкционные коалиции используют все преимущества цифровизации для контроля над торговыми потоками любых стран и компаний, что чревато для них наложением штрафов и вторичных санкций (особенно для малых стран, где резкое изменение объема или структуры торговли становится сразу заметно международным финансовым организациям). То же самое относится и к цифровому коммерческому контролю глобальных производителей над перемещением собственных товаров по всему миру.

Политика компенсации санкций направлена на минимизацию эффектов экспортного и импортного эмбарго путем замещения Россией своих традиционных западных партнеров во внешней торговле совокупностью стран из состава БРИКС, ЕАЭС, экономик глобального Юга и др. В настоящее время здесь Россия достигла заметных успехов, но на более длительном горизонте проведение этой политики упрется в свои объективные ограничения.

Действительно, российская экономика не только избежала коллапса под мощными торговыми шоками, но и перенесла их легче, чем ожидалось весной, что позволило смягчить спад и улучшить текущую макроэкономическую динамику¹². Это во многом объясняется ее сохраняющейся рыночной гибкостью. Оказавшись под санкциями, российский бизнес проявил инициативу снизу в поиске новых партнеров и в экстренной переналадке цепочек поставок, а правительство не стало при этом усиливать административное вмешательство в процессы ценообразования. Переключение нефтяных потоков на восточных потребителей (в Индию, Китай, Турцию и на Ближний Восток) позволило России осенью 2022 г. приблизить объемы нефтяного экспорта к досанкционному уровню¹³. Одновременно России

¹² Если в июльском базовом прогнозе Банка России спад ВВП по итогам 2022 г. составлял минус 4–6%, а инфляция поднималась до 14,7%, то в октябрьском прогнозе эти показатели улучшились до минус 3,0–3,5% и 13,9% соответственно (см.: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. М.: Банк России, 2022).

¹³ Oil Market Report. November 2022. <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-november-2022>.

удалось частично восстановить упавшие импортные объемы. За три квартала 2022 г. ее импортные потоки из нейтральных стран резко возросли, тогда как закупки из недружественных стран остались на обвалившемся уровне (более чем наполовину ниже досанкционного). В то же время эти и более сложные расчеты, сделанные по России экономистами Банка Италии, показывают, что компенсации последствий импортного шока не произошло. К осени совокупный объем российского импорта оказался на 22% ниже потенциально возможного (в случае отсутствия санкций) и на 15% ниже фактического досанкционного значения [9].

Другим успехом России в сопротивлении санкциям стал рекордный профицит текущего счета платежного баланса: к концу III кв. 2022 г. он, по данным Банка России, достиг почти 200 млрд долл. Однако при более детальном анализе выясняется, что половина профицита была обеспечена двукратным сжатием импорта из Европы, а вторая половина – взлетом нефтегазовых цен, т. е. данное достижение является преходящим с точки зрения российского адаптационного маневра. Иными словами, попытки совершить этот маневр за счет связей с альтернативными партнерами частично нивелируют потери России на кратко- и среднесрочном горизонте, но порождают при этом еще большие вызовы в будущем.

Во-первых, торговые партнеры из развивающихся и транзитных экономик не смогут заместить России утраченный выход на развитые рынки, особенно по линии импорта. По своим экономическим возможностям они принципиально уступают той мощной международной коалиции, которая поддержала санкционный режим. Даже частично компенсировав разрыв связей с Европой за счет поставок энергоресурсов в восточные страны (куда эти ресурсы поставляются в меньших объемах и по дисконтным ценам) или за счет закупок у этих стран импортных компонентов (которые неизбежно подорожают из-за усложнения логистики, несмотря на более низкое качество), Россия едва ли сможет найти замену развитым странам в вопросах привлечения стратегических инвестиций, современной техники и новейших технологий. Ставка же на Китай как на главного партнера быстро усилит одностороннюю зависимость России. При этом для самого Китая ключевыми партнерами останутся США и ЕС [18].

Во-вторых, при всем успешном развитии экспортных связей со странами, не являющимися недружественными, Россия сумела нарастить стоимостные объемы экспорта главным образом за счет высоких нефтяных цен. Однако в среднесрочной перспективе системное действие санкций подрывает ее добывающий сектор и источники бюджетных доходов. Серьезную проблему составляют предстоящая полномасштабная реализация европейского нефтяного эмбарго, а также

введение санкционной коалицией потолка цен на российские нефтяные поставки при их страховании и транспортировке в любую точку мира. Кроме того, экспортные возможности России будут подавляться действием целого ряда других ограничений: отсутствием оборудования для дальнейшей эксплуатации месторождений из-за импортного эмбарго, новых контрактов с нефтетрейдерами и страховщиками из-за рисков их подпадания под вторичные санкции, доступа на рынок теневых поставок из-за укорененности здесь Ирана и Венесуэлы, наличием потолка потребностей нейтральных стран в закупке российских энергоносителей. Не исключено, что России придется сокращать нефтедобычу и производство нефтепродуктов, теряя не только экспортные доходы, но и налоговые поступления от широкого круга агентов, прямо или косвенно связанных со сферой ТЭК.

Политика адаптации к санкционному стрессу

В отличие от традиционного кризиса, имеющего рыночный цикл преодоления, санкции – это искусственные внешние ограничения, которые ложатся на экономику не снимаемым грузом. Главной проблемой здесь являются даже не сами мгновенные шоки, а то, что дальнейшее действие санкций делает эти шоки устойчивыми, способствуя их перерастанию в длительный макроэкономический стресс. При этом в экономике запускается механизм структурного упрощения (в отраслевом, технологическом, продуктовом и иных отношениях), а затем она переходит к более примитивному равновесию, теряя эффективность и начиная расти ниже своего потенциала. Классические антикризисные меры бессильны перед таким стрессом, что вынуждает страны менять внутренний экономический курс. В России направление и конкретное содержание этих изменений будут во многом зависеть от текущих сдвигов в геополитической обстановке и в санкционном режиме, а также и в сложившейся системе управления. Судя по уже принятым решениям, российские власти намерены в той или иной пропорции использовать смешанный набор инструментальных подходов, вытекающих из трех возможных адаптационных сценариев.

Первый сценарий, именуемый «больше рынка», представляется самым предпочтительным. Он предполагает максимальную поддержку частной предпринимательской активности путем масштабной экономической либерализации, радикального сокращения бюрократического контроля и снижения налогового бремени. Такой курс однозначно помогает стране ослабить внешнеэкономическую закрытость, нащупать новые каналы международной кооперации и ускорить переналадку производственных цепочек [3]. Вместе с тем следует учитывать, что в подсанкционной экономике механизмы здоровой рыночной

саморегуляции во многом искажены, так что ее либерализация может сопровождаться разрастанием теневых и коррупционных схем.

Второй сценарий, называемый мобилизационным, наоборот, связан с «уменьшением рынка» – с частичной национализацией промышленных предприятий, введением разрядки номенклатуры выпуска, квотами, вмешательством в цены и т. п. Очевидно, что он наименее предпочтителен, т. к. ведет к явлениям товарного дефицита, централизованному распределению определенных видов продукции и к обострению социальной напряженности. К подобному сценарию Россия рискует инерционно свернуть в ходе подстройки экономического курса под потребности СВО.

Третий сценарий — это курс на госкапитализм с опорой на самодостаточность, являющийся естественной реакцией на внешние ограничения. Изолированная от глобальных рынков страна стремится сохранить свои рыночные начала, но добиться большей финансовой, импортной и технологической независимости. При этом санкционное подавление таких классических драйверов роста, как экспортный спрос, личное потребление и частная инвестиционная активность, с неизбежностью ведут к замещающему возрастанию доли государства в структуре совокупного спроса и инвестиций. Такой сценарий заложен, в частности, в иранскую «экономику сопротивления».

В июле 2022 г. правительство РФ наметило поворот от «абсолютно рыночной» промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета, нацеленной на стимулирование создания и повсеместного использования предприятиями отечественных технологий, материалов и промышленной продукции. По словам вице-премьера Д. Мантурова, такое стимулирование мыслится в логике расширения бюджетного финансирования бизнеса (через госзаказ, субсидии, льготные кредиты и др.), а не в логике полного возврата экономики к квазиплановой модели¹⁴. В ноябре началась работа по закреплению в законе РФ «О промышленной политике» принципа технологического суверенитета, т. е. поддержки государством только тех производств и инвестиционных проектов, которые приоритетно опираются на российские ресурсы¹⁵. В течение 2022 г. само понятие «технологический суверенитет» эволюционировало, спустившись с уровня преимущественно стратегических российских документов на операционный уровень ведомственных. Но суть курса, взятого Россией еще в 2014 г.,

¹⁴ Власти разработают новую модель импортозамещения в «квазиплановом» режиме. <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2022/62fcf6509a794753bb776af8>.

¹⁵ Минпромторг предложил способ достичь технологического суверенитета. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/03/948680-minpromtorg-predlozhil-sposob-dostich-tehnologicheskogo-suvereniteta>.

остаётся прежней – расширение импортозамещения и выстраивание собственных производственных цепочек полного цикла.

Заметим, однако, что Россия, структурно включившаяся за последние 30 лет в кооперацию с Западом, не сможет вернуться к состоянию экономической самодостаточности советских времен. Современная экономика, характеризующаяся наличием сложных продуктов и их распределенным производством, мало совместима с курсом на импортозамещение и технологический суверенитет. Показательно, что в Иране, попавшем в фактическую изоляцию с возобновлением санкций в 2018 г., «экономика сопротивления» успехом не увенчалась¹⁶. Судя по опыту самой России прошлого десятилетия, импортозамещение может служить фактором развития лишь в тех секторах, где присутствуют передовые иностранные технологии и компоненты (например, в АПК) [8]. Условия системных санкций и торговой блокады делают такое присутствие нереальным. Более того, они ставят Россию перед искусственным вызовом вынужденного импортозамещения – повсеместно и сразу в большинстве отраслей.

Находясь под санкциями, трудно наладить производство современной высокотехнологичной продукции, требующее нового передового оборудования, импортных компонентов, наличия высококвалифицированных специалистов, а также жесткого соблюдения технических стандартов. Кроме того, создание сложных промышленных продуктов конечного спроса происходит сегодня исключительно на уровне глобальных цепочек с участием тысяч фирм – поставщиков из разных стран [5]. На уровне подсанкционной экономики оно сопряжено с крупными инвестиционными затратами, которые невозможно окупить, когда отсутствует эффект экономии на масштабах. Многочисленные льготы и гарантированные госзаказы не могут компенсировать бизнесу фактор сжатия экспортного спроса и узости соответствующих сегментов спроса на внутреннем рынке. Поэтому при локализации цепочек поставок России придется снижать стандарты производства и требования к квалификации труда, упрощая высокотехнологичные промышленные товары до их примитивных базовых свойств, как это уже происходит в автомобильной и других отраслях. По сути, это означает регрессивную индустриализацию – перестройку технологических линий и бизнес-процессов под производство товаров среднего уровня сложности, характерных для поздней индустриальной эпохи.

---

¹⁶ К 2020 г. добыча нефти в Иране упала до минимума почти за 40 лет, а физические объемы ее экспорта снизились в 4,5 раза; несмотря на успешные теневые схемы, страна не справилась ни с растущим уровнем бедности, ни с коррупцией, ни с тяжелой инфляцией в диапазоне 20–40% в год (Иран: жизнь под санкциями. <https://econs.online/articles/ekonomika/iran-zhizn-pod-sanktsiyami>).

В итоге замещение импорта сведется к созданию на сохранившемся импортном оборудовании (или его аналогах) заведомо неконкурентоспособной продукции местного назначения, связанной с относительно небольшими затратами, минимальным участием западных комплектующих и копированием устаревших технологий.

Как видим, ни одно из направлений адаптационной политики не внушает надежд на успешное сопротивление санкциям, способное помочь России быстро восстановить экономику до предсанкционных размеров. И это не удивительно. Опыт стран, находившихся или остающихся под куда менее жесткими запретами (ЮАР, Иран, Куба, Венесуэла и др.), чем сегодняшняя Россия, однозначно свидетельствует о том, что адаптировать экономику к санкциям можно только пассивно, «удерживая ее на плаву» при низких оборотах и отсутствии новых источников развития. Иными словами, независимо от исходных размеров экономики, санкции ведут к упущенному росту в течение следующих десятилетий (сжатие потенциального ВВП наряду с реальным). Как показывают стилизованные факты [16], чем дольше длятся санкции, тем больше страна отстает от стран ОЭСР и мира в целом по уровню технологичности и благосостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов Д.Р. О возможностях развития в условиях санкций: некоторые предварительные замечания. ЦМАКП, 2022. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/DB/2022-03sanks.pdf.
2. Голубчик А.М., Пак Е.В. Некоторые моменты логистики параллельного импорта в Россию // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 10. С. 27–37.
3. Кнобель А.Ю. [и др.]. Санкции: всерьез и надолго. М.: Изд. дом «Дело», 2019.
4. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Зудин Н.Н. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса // Форсайт. 2016. Т. 10. № 4. С. 25–45. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45.
5. Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Влияние глобальных стоимостных цепочек на национальные экономические системы и вызовы для российской экономической политики // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С. 27–33.
6. Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Распределенное производство в условиях шока пандемии: уязвимость, резильентность и новый этап глобализации // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 12–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-21-47.
7. Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Шансы выхода России на рынки Индустрии 4.0 через улучшение своих позиций в распределенном производстве // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 1. С. 223–231. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-12.
8. Цухло С.В. Проблемы импортозависимости российской промышленности и импортозамещения в 2014–2018 гг. // Деловой журнал «Neftegaz.RU». 2019. № 4(88). С. 98–103.

9. Borin A. [et al.]. Quantitative assessment of the economic impact of the trade disruptions following the Russian invasion of Ukraine. *Questioni di Economia e Finanza*. N. 700. 2022. DOI: 10.32057/0.QEF.2022.0700.
10. Chorzeempa M. Export controls against Russia are working — with the help of China // The Peterson Institute for International Economics. 2022. <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-help-china>.
11. Demertzis M. [et al.]. How have sanctions impacted Russia? *Bruegel Policy Contributions*. 18/2022. 2022.
12. Felbermayr G. [et al.]. Understanding economic sanctions: Interdisciplinary perspectives on theory and evidence // *European Economic Review*. 2021. Vol. 135. No. 1. P. 103720. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2021.103720.
13. Hufbauer G.C. [et al.]. *Economic sanctions reconsidered*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.
14. Korgun I.A., Zakharova L.V. Rational vs. behavioral approach to DPRK's sanctions problem. M.: Dashkov & Co., 2022. DOI: 10.29030/978-5-394-05078-7-2022.
15. Mulder N. The economic weapon: The rise of sanctions as a tool of modern war. New Haven: Yale University Press*, 2022. DOI: 10.2307/j.ctv240df1m.
16. Neuenkirch M., Neumeier F. The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth // *European Journal of Political Economy*. 2015. Vol. 40. No. 2. Pp. 110–125. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2015.09.001.
17. Papava V. On sanctionomics and the externalities of economic sanctions // *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2022. Vol. 16. No. 2. Pp. 142–149. DOI: 10.2139/ssrn.4153882.
18. Simola H. Trade sanctions and Russian production. *BOFIT Policy Briefs*. 2022. No. 4. <http://urn.fi/URN:NBN:fi:bof-202205101191>.
19. Sonnenfeld J.A. [et al.]. Business retreats and sanctions are crippling the Russian economy. Yale University* 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4167193.
20. van Bergeijk P. A. Introduction to the Research handbook on economic sanctions // *Research handbook on economic sanctions* / P. A. van Bergeijk (ed.). Cheltenham: Edward Elgar, 2021. Pp. 1–24.

*Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.

REFERENCES

1. Belousov, D.R. On opportunities for development under sanctions: some preliminary remarks. CMAF. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/DB/2022-03sanks.pdf. 2022. (In Russ.).
2. Golubchik A.M., Pak E.V. Parallel imports to Russia: certain aspects of logistics // *Russian Foreign Economic Journal*. 2022. No. 10. Pp. 27–37. (In Russ.).
3. Knobel A.Y. [et al.]. *Sanctions are here for a good long while*. Moscow: Delo Publishing House, 2019. (In Russ.).
4. Simachev Y.V., Kuzyk M.G., Zudin N.N. Import dependence and import substitution in Russian manufacturing: a business viewpoint // *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 25–45. (In Russ.). DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45.
5. Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. The impact of global value chains on national economic systems and emerging challenges for Russian economic policy // *Social Sciences and Modernity*. 2017. No. 4. Pp. 27–33. (In Russ.).

6. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Distributed production under the pandemic shock: vulnerability, resilience and the new stage of globalization // *Voprosy ekonomiki*. 2021. No. 12. Pp. 21–47. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-21-47.
7. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Russia's opportunities for entering Industry 4.0 markets by improving its position in distributed production // *Journal of the New Economic Association*. 2022. No. 1. Pp. 223–231. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-12.
8. *Tsukhlo S.V.* Challenges of import dependence of Russian manufacturing and import substitution in 2014–2018 // *Business magazine "Neftegaz.RU"*. 2019. No. 4(88). Pp. 98–103. (In Russ.).
9. *Borin A. [et al.]*. Quantitative assessment of the economic impact of the trade disruptions following the Russian invasion of Ukraine. *Questioni di Economia e Finanza*. 2022. No. 700. DOI: 10.32057/0.QEF.2022.0700.
10. *Chorzempa M.* Export controls against Russia are working — with the help of China // *The Peterson Institute for International Economics*. 2022. <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-help-china>.
11. *Demertzis M. [et al.]*. How have sanctions impacted Russia? *Bruegel Policy Contributions*. 18/2022. 2022.
12. *Felbermayr G. [et al.]*. Understanding economic sanctions: Interdisciplinary perspectives on theory and evidence // *European Economic Review*. 2021. Vol. 135. No. 1. Pp. 103720. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2021.103720.
13. *Hufbauer G.C. [et al.]*. *Economic sanctions reconsidered*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.
14. *Korgun I.A., Zakharova L.V.* Rational vs. behavioral approach to DPRK's sanctions problem. Moscow: Dashkov & Co., 2022. DOI: 10.29030/978-5-394-05078-7-2022.
15. *Mulder N.* The economic weapon: The rise of sanctions as a tool of modern war. New Haven: Yale University Press, 2022. DOI: 10.2307/j.ctv240df1m.
16. *Neuenkirch M., Neumeier F.* The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth // *European Journal of Political Economy*. 2015. Vol. 40. No. 2. Pp. 110–125. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2015.09.001.
17. *Papava V.* On sanctionomics and the externalities of economic sanctions // *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2022. Vol. 16. No. 2. Pp. 142–149. DOI: 10.2139/ssrn.4153882.
18. *Simola H.* Trade sanctions and Russian production. *BOFIT Policy Briefs*. 2022. No. 4. <http://urn.fi/URN:NBN:fi:bof-202205101191>.
19. *Sonnenfeld J.A. [et al.]*. Business retreats and sanctions are crippling the Russian economy. Yale University, 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4167193.
20. *van Bergeijk P.A.* Introduction to the Research handbook on economic sanctions // *Research handbook on economic sanctions / P.A. van Bergeijk (ed.)*. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. Pp. 1–24.

*Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.
Дата поступления рукописи: 10.11.2022 г.

ABOUT THE AUTHORS

Smorodinskaya Nataliya Vadimovna – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
smorodinskaya@gmail.com

Katukov Daniil Dmitrievich – Researcher at Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
dkatukov@gmail.com

RUSSIA UNDER SANCTIONS: LIMITS OF ADAPTATION

The article analyzes the sanctions regime against Russia, its system effects and macroeconomic results. Destabilizing impact of sanctions shocks on the Russian economy and three resistance policies (counter-sanctions, circumventing sanctions and compensating sanctions) are considered. Three scenarios of adaptation policy to the sanctions stress: (“more market” scenario, mobilization scenario, and scenario of “self-sufficiency state capitalism”) are outlined. Objective limitations of the adaptation maneuver are demonstrated, it is concluded that none of the adaptation policy directions helps the economy to quickly recover to the pre-sanction level.

Keywords: *economic sanctions, adaptation strategies, Russian economy, lost economic growth, regressive industrialization*

JEL: F1, F13, F5, F51.